

Часть первая

**ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ**

Глава первая

**НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ
И ИЛЛЮЗИИ СТАБИЛИЗАЦИИ**

*1.1. Реконструкция европейской системы:
общие аспекты*

Сразу же после окончания Первой мировой войны перед победителями, в меньшей степени также и перед побежденными, встала задача переустройства внутренних и международной систем. Война, и не только война, привела к стольким изменениям, оставила после себя столько руин, что задача построения мира представлялась как никогда неразрешимой.

Это была война, отличная от предыдущих. Впервые (за исключением гражданской войны в Америке) речь шла о войне не только в собственно военном смысле, но также о войне гражданской и массовой. Прошло время, когда конфликты, даже самые длительные и изматывающие, хотя и вели к разрушению общественного устройства, распределения властных полномочий, религиозных верований, однако в период военного столкновения затрагивали ограниченную часть территории, через которую проходили голодные, грабительские войска, в то время как остальная ее часть ощущала на себе отдаленные и косвенные отголоски событий. Между 1914 и 1918 гг. война стала первым крупным столкновением внутри индустриального общества, и, следовательно, первым пожаром, способным привести к массовым разрушениям. Фронт сражений растянулся вдоль всей границы воюющих стран: Рейнской области, всей области Венето, огромных территорий вдоль границы между империями центральной Европы и Россией. Километры траншей, миллионы сражающихся, сотни тысяч

единиц огнестрельного оружия, все более разрушительного. И, следовательно, страны, территорию которых сровняли с землей, и жертвы — сотни тысяч, а в конечном итоге — миллионы.

С точки зрения восприятия и массовой культуры война все в меньшей степени касалась только правящих классов и военных, в любом случае вынужденных сражаться, подчиняясь правилам призыва на военную службу. Она затрагивала всех граждан и оказывала на них разнородное воздействие: разжигала национализм и ненависть по отношению к противнику; подталкивала к участию в военных действиях; порождала ошибочное представление о войне как о средстве решения политических конфликтов; приводила к пониманию того, что жизнь всех государств зависит от субъективных расчетов небольшой группы правителей и, следовательно, ставила вопрос о контроле за действиями этих руководителей. Первая мировая война, таким образом, превращала также и международную политику из царства тайной дипломатии в область, открытую для демократического контроля, или, по крайней мере, для требования контроля, которого на практике, однако, было трудно достигнуть. С другой стороны, война вынудила правителей использовать более утонченные, а зачастую и обманчивые средства для достижения ставшего необходимым общественного консенсуса. Все это в результате привело к воспеванию противоположных ценностей, таких, как пацифизм и интернационализм или же национализм и милитаризм, что способствовало отдалению культуры простого народа и даже размышлений интеллектуалов от действительно фундаментальных ценностей человечества.

Не менее важными были социальные перемены. В течение четырех или пяти лет миллионы людей, принадлежавших к более молодым и поэтому более активным в производственном отношении поколениям, были оторваны от своих привычных занятий и поставлены под ружье. По возвращении они должны были интегрироваться в гражданскую жизнь, забыв о привычках и образе мышления, связанных с военной службой. Однако не всегда это возвращение оказывалось легким; часто оно сопровождалось долгими периодами безработицы и дезадаптации, которые выталкивали людей на обочину социальной жизни или же приводили к разжиганию политических страстей. Рождался мир «ветеранов» и «ветеранства» как новых социальных категорий, которыми нельзя было пренебречь, поскольку они охватывали миллионы молодых людей и целых два поколения.

Не все те, кто возвращался с войны, были так же здоровы, как уходившие на войну. Инвалидов и раненых на поле боя на-

считывалось в Европе несколько миллионов; часто они были нетрудоспособны и всегда заслуживали поддержки нации. Вставали проблемы коллективного вспомоществования, которые должно было взять на себя все общество и которые имели очень высокую цену, как в финансовом отношении, так и с точки зрения нормализации социальной жизни. Не менее важной была проблема семей жертв войны. Часто у погибших оставались только плачущие родители, потерявшие опору на молодую рабочую силу. Их доход таким образом уменьшался, а горе росло, однако при этом оно не принимало такого драматического характера, как в том случае, когда погибшими были мужья или отцы семейств, у них остались жены и дети, предоставленные в решении проблем своего будущего самим себе. Это были почти всегда очень молодые жены и дети, которым надо было заново устраивать свою жизнь — новый социальный класс (масштабы явления позволяют использовать этот термин) сирот и вдов войны. До 1914 г. никто не думал, что эта проблема станет одной из основных в последующий за военными сражениями период.

Были также и экономические последствия. В каждой стране длительная война привела к тяжелым лишениям с точки зрения условий жизни. Еще более серьезными оказались последствия в системе производства, которую пришлось перестроить в соответствии с потребностями военной экономики. С макроэкономической точки зрения эта перестройка не всегда была негативным явлением в стратегическом плане, поскольку она привела к укреплению тяжелой промышленности, в особенности металлургии, и росту прибылей, которые в послевоенный период могли быть инвестированы в восстановление экономики. Однако в смысле непосредственных последствий война деформировала экономическую жизнь всех стран, изменив структуру потребления, а также состав рабочей силы. Впервые старикам и женщинам пришлось заменить молодежь. С точки зрения эмансипации женщин это было, вероятно, позитивное явление, однако оно являлось, конечно, отклонением, не являвшимся функциональным для экономической системы мирного времени. Таким же образом можно рассматривать как позитивные активные усилия по обновлению и модернизации предприятий, связанные с военными потребностями, в результате которых в момент перехода к мирной экономике и после преодоления трудностей этого переходного периода была создана система новых промышленных предприятий и самых передовых технологий.

Однако в целом экономическая система перенесла сильное потрясение, от которого она с трудом оправилась и которое ус-

губилось также в результате революционных испытаний послевоенного периода. К этому добавились проблемы перестройки экономики, никогда в прошлом не представавшие в столь целостном виде. Еще не было разрушений, сравнимых с теми, что стали к 1945 г. следствием Второй мировой войны, однако уже тогда все территории, по которым прошли войска, и все те (достаточно ограниченные), что подверглись воздушным бомбардировкам, столкнулись с проблемой восстановления зданий и инфраструктуры. Готовиться к миру означало приступить к решению задач, связанных с восстановлением.

Все это ставило в повестку дня различные внутренние и международные проблемы. Военные расходы вынудили правительства различных стран усилить налоговый пресс. Но прежде всего они заставили их прибегнуть к помощи международного финансового рынка. Великобритания, страна, наименее пострадавшая от тягот, связанных с военными действиями, являлась первым финансовым рынком союзников; в меньшей степени таким рынком выступала Франция. К концу войны Великобритания предоставила союзникам займы на 1740 миллионов фунтов стерлингов; Франция — на 355 миллионов. Эта задолженность внутри союза сопровождалась параллельной задолженностью Великобритании, Франции, Италии и других стран антигерманского блока Соединенным Штатам. Проблема уменьшения обязательств по задолженности сохранялась в течение ряда лет и превратилась в порочный круг, когда победители соединили в одной запутанной триаде возвращение военных долгов с выплатой немецкой стороной соответствующих репараций для компенсации платежей по окончательным расчетам.

За сценой (или на авансцене?) всех этих событий вырисовывалась новая ситуация, сложившаяся в России после революций 1917 г. и, в особенности, после Октябрьской революции. Если кто-то и находился во власти иллюзии, что революция потерпела поражение или на худой конец оставалась в границах старой царской империи, то эта иллюзия быстро рассеялась. Рабочее движение имело слишком глубокие корни в индустриальных странах и поэтому часть социалистического движения не могла не почувствовать притягательную силу призыва, брошенного Лениным. Отголоски революции в Германии и на Балканах, чарующее воздействие, которое она оказала на итальянских и французских левых; влияние, испытываемое *даже* теми социалистическими партиями, которые из принципиальных соображений отвергали насильственные и противоречащие демократической традиции западного социализма формы борьбы и концепцию, состоявшую в том, что диктатуру пролетариата следует насаждать с помощью переворо-

тов, подобных тому, что был осуществлен Лениным и его соратниками против российского Учредительного собрания — все это не способствовало уменьшению привлекательности партии, провозглашавшей себя представительницей трудящихся для всего мирового социализма. Каждая европейская страна должна была считаться с собственной внутренней ситуацией; страны-победительницы кроме того должны были найти общий способ противостоять ситуации, сложившейся в России, при этом они вовсе не были едины в мнении о том, что же надо препринимать по существу. Хотя в мирных конференциях не участвовал ни один представитель революционного правительства, проблема революции всегда присутствовала — и как всеобщая обеспокоенность, и как конкретная проблема, оказывавшая воздействие на выработку подхода к отношениям с Германией и, более того, подхода к решению проблем, касавшихся Центральной и Южной Европы.

В действительности, с точки зрения сложившейся политической ситуации, обстановку, в которой приходилось вести переговоры о мире и осуществлять реконструкцию европейской политической системы, определял в конечном счете исключительный масштаб политико-институциональных изменений, имевших место в результате войны в Центральной, Восточной и Южной Европе. Четыре империи исчезли или же находились в состоянии полной агонии. Потрясенная поражением Германская империя стала демократической республикой. Российская империя была разрушена революцией. Однако как Германия, так и Россия, а также территории, от них зависевшие, в основном сохраняли свою целостность (за исключением территорий, которые победители отняли у Германии, и без учета существовавших сомнений относительно возможных последствий окончательной победы большевистской революции).

Совершенно иной была ситуация, вызванная крахом Австро-Венгерской империи, завершившимся возникновением некоего временного устройства, неустойчивого и неопределенного. И столь же сложной была ситуация, связанная с окончательным кризисом Оттоманской империи, которая, хотя все еще существовала на карте, была окружена врагами, лишившими ее значительной части территорий, что и привело к ее распаду. Это был институциональный и династический переворот — вряд ли это было ранее возможно в Европе. Династии, находившиеся у власти веками, исчезали в одно мгновение в результате военного поражения. Таким образом, не только русская революция, но также и институциональные изменения порождали новые проблемы. В такой общий контекст вписывались конкретные вопросы, которые должна была решить Парижская мирная конференция.

Главную задачу государственных деятелей, собравшихся в Париже 18 января 1919 г. для переговоров о заключении мирных договоров, следует рассматривать в свете решений, которые они предлагали для всех этих проблем. Точнее, они пытались выявить, каким образом в этих проблемах отражались конфликты, породившие развязывание войны.

Выявление таких конфликтов, то есть поиск причин Первой мировой войны, позволяет определить постоянные или вновь возникающие пункты противоречий, или же проявления соперничества, порожденного разными темпами роста (или кризисом) крупных и средних держав, составлявших европейскую международную систему. Это позволяет также более ясно понять глубокое соперничество, вызванное ростом мощи Германии. Он обострил противоречия с Францией, привел к морскому и колониальному противостоянию с Великобританией, вызвал обеспокоенность России относительно будущего Балканского полуострова и Османской империи, породил соперничество с другими индустриально развитыми европейскими странами. В конце концов Германия создала прочный и компактный демографический фронт. Тем более компактный, поскольку кризис Габсбургской империи, обозначившийся между 1859 и 1866–1967 годами, начиная с 1879 г. породил тесный и длительный союз, который на практике ограничил свободу маневра Австро-Венгерской империи, связав ее обязательствами и подчинив Германской империи.

Росту германской мощи противостояли старые и новые соперники. Старые, такие как Франция, которая с 1871 г. мечтала о реванше; новые, например, панславистски настроенная Россия, оказывавшая давление на небольшие балканские нации, династически не связанные с Берлином, побуждая их видеть в австро-германской оси не только препятствие для их роста, но и потенциальную угрозу после того, как Германия установила протекторат над Османской империей. Проект железной дороги Берлин—Багдад почти наглядно выражал задуманную экспансию с целью господства, на пространстве от Берлина до Индийского океана, где находилось новая точка столкновения интересов (помимо тех, что существовали в Северном море и в целом в Атлантике), с другим новым противником, Великобританией, которая пятнадцать последних лет наблюдала за тем, как ее давний, на протяжении всего XIX века, союзник превращается в конкурента в области промышленности, торговли и внедрения новых технологий. Когда германская мощь проявилась на море и получила там новую подпитку, соперничество с Британией стало неизбежным. Таким

образом на предвоенном континенте сформировалась новая взрывоопасная сила, обладавшая необходимыми средствами и исходными позициями для того, чтобы ее восприняли как угрозу. Старых и новых противников Германии подталкивали таким образом к союзу, который, нанося ей поражения, ограничивал бы риски, подтачивал бы новую силу.

Если старые соперничества были очевидны и предсказуемы, то именно новые противоречия придавали динамизм антигерманской коалиции. Соперничество с Британией, проявившееся, когда стал очевиден глобальный масштаб существующей угрозы, и соперничество с Россией, которое восходило к традиционным континентальным противоречиям, порождалось прежде всего таким неожиданным противодействием как утверждение славянских народов, таких как сербы и болгары, и вековым проектом развала Османской империи. Тевтонское клеймо на Османской империи, ставшее еще более очевидным после революции младотурок в 1908 г., отодвинуло на второй план колониальные противоречия (как это, впрочем, уже произошло с Францией и Великобританией в 1904 г.), и создало благоприятные условия для поиска разумных компромиссов на важных, хотя и не имеющих первостепенного значения территориях (таких, как Персия, Афганистан и другие объекты англо-русского соглашения 1907 г.).

К этой совокупности основных конфликтов, породивших в 1914 г. войну, добавились другие кризисные моменты: одни были связаны с главными конфликтами, как, например, напряженность на Балканах и проявления национализма в Центральной Европе (Польша, Богемия—Моравия, Словакия); другие, потенциально неустойчивые вследствие объективной двойственности проявившихся интересов, как это было в случае Италии.

Поражение, понесенное державами Центральной Европы в 1918 г., теоретически позволяло преодолеть довоенную напряженность за счет Германии и против Германии. В действительности новые явления, созревшие или проявившиеся во время войны, ограничили свободу маневра победителей и впервые определили то, что *ни одна* европейская держава не могла больше решить самостоятельно проблемы, связанные с мирными договорами и с определением нового соотношения сил на континенте.

В самом деле, Парижские мирные договоры лишь отчасти устранили причины войны. Вероятно, это объяснимо, поскольку победа не означала *debellatio* (то есть исчезновения в качестве государства) Германии, но приобрела форму перемирия, подписанного 11 ноября 1918 г. Германией с Соединенными Штатами и державами Антанты на основе «14 пунктов» Вильсона, однако

с оговоркой союзников относительно репараций и свободы навигации. Это также объяснимо, ибо на Западе победители приложили больше усилий для демонстрации масштаба своего успеха, в то время как исчезновение трех империй в Центральной и Восточной Европе сделало менее ясными направления построения нового европейского порядка. В итоге новый европейский порядок *не был* построен, а возникли, напротив, новые причины для антагонизма — возможно, меньшие, но не менее острые и, вероятно, более опасные — которые добавились к накопившимся проявлениям недовольства, подпитываемым несбывшимися ожиданиями. Теперь, по прошествии стольких лет, поражает, почему авторы Парижских договоров не отдавали себе отчет в том, что они создают новый «беспорядок», содержащий в себе более многочисленные и серьезные причины для конфликта, которые Лига Наций, конечно, не сможет устранить. В самом деле, совокупность этих договоров не обеспечивала окончательного результата, а предоставляла только некую передышку, паузу, во время которой европейские противоречия вновь проявились в обостренной форме, а за пределами Европы назрели перемены, представшие в конце концов в качестве доминирующих элементов новой глобальной ситуации.

1.2. Лига Наций

С точки зрения американского президента В. Вильсона, сыгравшего определяющую роль в первые месяцы Парижской конференции, предпосылки европейской реконструкции заключались в осуществлении некоторых программных положений, содержащихся в военном «манифесте» Соединенных Штатов, а именно — в создании организации, которая, институционализовав международные конфликты, облегчила бы возможность их мирного разрешения или сделала бы возможным коллективный ответ, направленный на пресечение действий агрессоров или на их военное поражение. В прошлом выполнение этой задачи отводилось тайной дипломатии с ее утонченными методами. Однако с 1917 г. именно против нее было развернуто наступление (часто носившее демагогический характер) тех, кто усматривал в ней главного виновника возникновения цепи обязательств, сделавшей в 1914 г. неизбежным развязывание войны. Вследствие разнородного давления, направленного на формирование более демократической процедуры принятия решений в сфере международной политики, обращалось внимание на симптом, хотя и важный, но без понимания того, что он лишь выражал более глубокие тенденции.